

Они встретились взглядами, и каждый из них понял, что прочел в глазах другого всё, что нужно.

Император, слывающий жестоким тираном, обладал странными глазами — подернутыми туманом, в глубине которых вечно плескалась влажная, манящая рябь.

Как подобает подданному, Се Чжижун первым отвел взгляд.

Император вовсе не был глупцом. Однако умный человек, занимающий высокое положение, обладающий неограниченной властью и при этом лишенный стремления к добру, куда опаснее, чем глупец в тех же условиях. Последний может даже не осознавать своего зла, тогда как первый всё прекрасно понимает — и, мало того, способен подобрать тысячу причин, чтобы оправдать свои действия, а методы его куда искуснее и безжалостнее.

Когда разговор зашел в тупик, Сяо Лин собрался встать и уйти.

Внезапно в голове прозвучал голос Системы:

— Прошу Ваше Величество не нарушать сюжет снова и снова.

Сяо Лин мысленно отозвался:

— ...То, что ты называешь соблюдением сюжета, означает принуждение меня «съесть» эту фигуру? Вместо того чтобы заставлять Се Чжижуна заниматься подобными вещами, проще сделать всё самому.

Система произнесла:

— Как самодержец, который превыше всего ставит собственную волю, должен ли Ваше Величество быть столь любезен, услышав, как Се Чжижун намекает на хаос в императорском дворце?

Услышав, что Система прицепилась к такой мелочи, Сяо Лин сразу же почувствовал облегчение. В дворце действительно царил беспорядок, и Се Чжижун не сказал ничего, что не было бы правдой; более того, он задел в своей речи даже собственный дом — чего еще желать?

— В оригинальной книге этого отрывка не было, — Сяо Лин попытался защитить свою позицию.

— Значит, Ваше Величество нарушил свой образ, — Система сменила аргументы еще естественнее, чем это сделал бы сам Сяо Лин.

Взгляд Сяо Лина, казалось, рассеянно скользил по доске — любой, кто это увидел, наверняка подумал бы, что он любит пальцами Се Чжижуна, сжимающими фишки. Сяо Лин произнес:

— Я должен был предупредить его, чтобы он не лез не в свое дело, так ведь?

— Верно, — подтвердила Система.

Сяо Лин подумал, что Система, может, и не хочет мучить главного героя, но совершенно точно желает ему скорейшей и мучительной смерти. У других людей Системы стараются сделать жизнь своего подопечного хоть немного лучше, почему же эта дрянь, которая досталась ему, только и делает, что подливает масла в огонь?

Сяо Лин кивнул:

— Проще простого.

Он склонил голову набок и посмотрел на Се Чжижуна, опираясь подбородком на руку. В его позе сквозила ленивая небрежность, в глазах читалось легкое недовольство:

— Чжижун говорит разумные вещи, вот только в дела внутреннего дворца тебе, Чжижун, лучше поменьше вмешиваться.

В его голосе не было и тени упрека — напротив, слышалась едва уловимая беспомощность, то ли вздох, то ли усмешка. Сяо Лин прекрасно понимал: с его нынешним статусом любой случайный взгляд, улыбка или оброненная фраза заставят бесчисленное количество людей ломать голову всю ночь напролет. Если хочешь поддерживать заданный образ, нужно говорить уклончиво, позволяя другим додумывать самим. Так ты никогда не ошибёшься. Люди во дворце склонны к излишним раздумьям — чем умнее человек, тем больше лишнего он напридумывает.

Услышав это, Се Чжижун не выказал ни сомнений, ни недовольства. Он лишь склонил голову и ответил:

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Сказав это, Сяо Лин поднялся:

— У Меня есть дела. — Под угрозой Системы обвинить его в выходе из образа он помедлил и добавил: — Вечером загляну к тебе.

Сяо Лин прекрасно знал, что Се Чжижун предпочел бы не видеть его всю оставшуюся жизнь. Словно произнося такое впервые, он опустил глаза, и его густые, как вороново крыло, ресницы дрогнули, придавая лицу выражение, полное робости и стыдливого раскаяния. Казалось, он и вправду стоит перед возлюбленным. Он был бледен, и оттого покрасневшие кончики ушей выделялись особенно ярко — алое пятнышко на снегу, на которое невольно хотелось взглянуть поближе. Не дожидаясь реакции Се Чжижуна, он быстрым шагом вышел прочь.

Слова Се Чжижуна «Провожая Ваше Величество» так и застряли в горле.

Се Чжижун: «...»

Судя по скорости, с которой удалялся император, посторонний мог бы подумать, что это Сяо Лина силой притащили во дворец. Се Чжижун хорошо запомнил выражение лица Сяо Лина: когда тот вчера приподнимал свадебное покрывало, в его глазах не было ни капли радости, скорее уж вынужденное смирение. Неужели всего за один день император успел полюбить его? Как это вообще возможно?

Ветер поднялся, зашуршав листвой. Се Чжижун слегка нахмурился и отложил фишку.

Как только он скрылся из поля зрения Се Чжижуна, Сяо Лин заметно замедлил шаг. Он протянул руку и потер мочку уха — она горела. Даже если Системе не нравился этот подопечный, который вечно спорил и искал лазейки, она не могла не признать: актерская игра у Сяо Лина была выше всяких похвал. Лицемерие, импровизация — всё выглядело до пугающего натурально.

На улице становилось жарче, и у Сяо Лина пропало всякое желание гулять. Он вернулся во Дворец Вэйян на паланкине. Весь день делать было нечего, а человек, привыкший к постоянной занятости, чувствовал себя не в своей тарелке. Увидев на столе книгу, он наугад взял её и открыл.

В книге почти не было текста, лишь пара коротких стишков, остальное занимали рисунки. На них двое людей были безупречно одеты в верхней части, тогда как ниже пояса на них не было ни нитки, а выражение лиц прорисовано с такой пошлой детальностью, что всё становилось ясно с первого взгляда.

Сяо Лин со сложным выражением лица медленно закрыл книгу. Не желая сдаваться, он пролистал еще несколько — все они были похожи друг на друга, разница заключалась лишь в сюжетах картинок.

Слуги, видя его странный вид, стали еще осторожнее и боялись даже лишний раз вздохнуть.

— Ваше Величество, — робко подал голос один из слуг.

Сяо Лин обернулся: это был тот самый хорошенький юноша, который вчера ползал у его ног и плакал так жалобно.

Суй Юнь, встретившись с этим черным как смоль взглядом, почувствовал, как сердце бешено заколотилось — то ли от страха, то ли еще от чего.

— Ваше Величество, молодой господин Се прислал вам набор для игры в го.

Позади него стояли еще двое слуг, они низко опустили головы, почтительно держа в руках доску и шкатулки с фишками. Сяо Лин кивнул, разрешая им подойти. Когда те приблизились,

он мельком взглянул на доску — это была та самая, на которой утром играл Се Чжижун. Он взял одну фишку: нефрит был теплым на ощупь, гладким и приятным. Он небрежно бросил черную фишку среди белых:

— Чжижун ничего не передал?

Нефрит отозвался чистым, звонким стуком. Слуга, державший шкатулку, вздрогнул.

Суй Юнь ответил:

— Молодой господин Се сказал лишь, что в Цинчжоу добывают много прекрасного нефрита, и этот набор был привезен оттуда.

— Раз это знак внимания Чжижуна, приберите как следует, — проговорил Сяо Лин.

<http://bllate.org/book/26821/3222681>